

Взгляд из России

Интерес ко всему, что так или иначе связано с именем И.В. Сталина, непреходящ. Особенно оживился он в последнее время, когда в изобилии появились публикации, содержащие малоизвестные сведения и документы из ранее закрытых архивов. Есть в этой "сталиниане" и свидетельства родственников вождя. Одно из таких свидетельств мы предлагаем сегодня вниманию читателей. Итак, интервью с племянницей Сталина.

Кира Политковская — племянница вождя

Возг. клуб. - 1995. - 16 сент. - с. 4.

— Кира Павловна, вы — урожденная Аллилуева и сейчас самый старший представитель этой семьи. Известно, что в начале века Сергей Аллилуев и его жена Ольга вели активную революционную деятельность. В их семье накануне Октябрьской революции жил Иосиф Сталин. Затем он женился на их младшей дочери Надежде. Сколько же сейчас Аллилуевых?

— Наша семья действительно считает своим родоначальником Сергея Яковлевича Аллилуева, у которого было двое сыновей и две дочери. Я — старшая дочь старшего сына Павла Сергеевича, и стало быть, племянница Надежды Сергеевны и Иосифа Виссарионовича Сталина, ее мужа. Мне пришлось сменить фамилию, но мои братья Александр и Сергей, их дочка Сашенька и внучка Алена остались Аллилуевыми. Сохранили фамилию также семьи моих двоюродных братьев Владимира Федоровича с сыном Сережей и Владимира Станиславовича с дочерью Ольгой. Их жены тоже Аллилуевы, хотя жена Сережи оставила девичью фамилию, она диктор телевидения Арина Шарапова. Но давайте лучше отошлем читателей к схеме родственных связей Аллилуевых — Сталина. Эта схема опубликована в книге моего двоюродного брата Владимира Аллилуева "Хроника одной семьи". Она только что вышла в "Молодой гвардии".

— Насколько Аллилуевы дружны?

— Мы очень связаны. Вместе отмечаем праздники и дни рождения, стараемся соблюдать семейные традиции.

— А Сталина вы лично помните?

— Ну конечно. Я четко помню себя примерно с пяти лет, фактически и Сталина помню с того же времени. Ведь в 20—30-е годы мы по существу жили одной большой семьей. Дети одного возраста, я, Вася Сталин и другие ребята из семей, живших в Кремле, дружили, играли вместе, бывало, и дрались, дома не засиживались, как все дети такого возраста. У нас постоянно бывали Серго Орджоникидзе, Элиава и другие друзья Сталина, многие из которых жили рядом. Как все грузины, они были очень общительны, детей любили, мы считали их добрыми дедушками, не знали, кто чем занимается и вообще кто есть кто. Когда дети бывали среди взрослых, не принято было вести серьезные разговоры. С нами все шутили, и Сталин тоже, не всегда, правда, приятно, за что я на него обижалась, но ведь воспитанные дети этого не показывают... В 1926—1927 гг. наша семья уехала лет на пять в Германию, где папа работал в торговле, вернувшись перед самой смертью Надежды Сергеевны. Тогда никто не говорил, что это было самоубийство. Мы и понятия об этом не имели, тем более что мне мама вначале сказала, что она умерла от гнойного аппендицита.

— Как Сталин относился к вашей семье после смерти Надежды Сергеевны?

— Вначале он не отдалялся от родственников жены. Наоборот, папа с мамой, видя его состояние и опасаясь, что он наложит на себя руки, стали дежурить у него. Мы какое-то время совсем не видели их дома. Позже Иосиф Виссарионович пригласил всю нашу семью на дачу в Зубалово, где жили уже и Вася, и семилетняя Светлана. Мы там прожили несколько лет, а потом переехали на соседнюю дачу, жили вместе с Микоянами. Мы очень тесно общались до 1941 года, пока не разъехались в эвакуацию. Последний раз я видела Сталина в 1939 году в Сочи, когда он пригласил меня на обед на свою дачу Зинзиновка.

— Как сложилась судьба вашей семьи?

— Папа умер в 1938 году. Это была странная смерть. Он был очень хорошим, честным человеком. Когда начались аресты, он часто вступался за своих сослуживцев, знакомых. Он был генералом бронетанковых войск. Сам ходил к Сталину, убеждал, что арестованные не враги: "Если вы их арестовали, то значит, я такой же враг и меня тоже надо арестовать". И людей часто освобождали. Однажды он вернулся из первого за пять лет работы отпуска,

ушел на службу утром, как обычно, к девяти. А через пару часов маме позвонили и сказали, что ему стало плохо, его увезли в Кремлевскую больницу. Ее даже спросили: "Чем вы его утром накормили?". А в том-то и дело, что он и не ел ничего особенного, как обычно, кофе попил, яичко съел и все. Чем он занимался с девяти до одиннадцати, с кем разговаривал, мы не знаем, так никто ничего и не сказал. Мама переспросила, где папа находится. Ей ответили, что пока ничего не надо делать, ей перезвонят. Уже потом мама все же приехала в больницу, но папа уже умер. Врач сказал маме: "Что же вы не привезли? Он так вас звал". Все тогда были поражены, что он так быстро умер. Ведь казался таким здоровым. Мы потом думали, что он умер не своей смертью.

— В книге вашего двоюродного брата говорится, что Надежда Аллилуева застрелена из пистолета, который ей в свое время подарил ваш отец. "Нашел чего подарить!" — раздраженно сказал ему Сталин на похоронах жены. Может быть, именно этого он не мог простить вашему отцу?

— Что сейчас гадать об этом! Среди родственников Сталина — и со стороны его первой жены Екатерины Сванидзе, и среди Аллилуевых — впоследствии многие были репрессированы.

— В том числе и ваша мать.

— Когда началась война, мама позвонила Иосифу Виссарионовичу и попросила принять ее, чтобы посоветоваться насчет эвакуации. Он назначил ей встречу, на которой сказал: "Война будет тяжелая, долгая, но мы победим". По согласованию с ним мы поехали в Свердловск, он позаботился о нашей жизни там. Я работала на авиационном заводе, а в 1942 году вернулась в Москву и продолжила учебу в Щепкинском училище. А после войны мы его больше не видели. 10 декабря 1947 года арестовали мою маму, а в ночь с 5 на 6 января 1948 года забрали меня, затем папину сестру Анну Сергеевну. Некоторое время меня и Анну Сергеевну содержали в Лефортовской тюрьме, но мы друг о друге ничего не знали. Мы находились в одиночках, общались только со следователем на допросах. В течение пяти месяцев меня часто ночами допрашивали, с 8 вечера до 3—4 часов утра. А подъем там в шесть утра, очень строго. Но следователь ко мне не очень сурово относился, иногда даже предупреждал, что мне дадут подольше поспать. Мне тогда было 27 лет, я, естественно, была комсомолкой, очень убежденной во всем; я была уверена, что никто из нас ни в чем не виноват.

— А в чем вас обвиняли?

— В шпионаже, и маму, и отчима (у меня уже тогда отчим был), и даже меня. Во время моего ареста в доме устроили очень тщательный обыск, обстукивали стены, рылись в цветочных горшках — золото, что ли, искали. Но у нас действительно ничего не было, во время обыска в моем сундуке нашли только постельное белье, ситцевые отрезки ("невесте на приданое", как посмеялись следователи), мне и статью дали без "конфискации имущества". Я была страшно возмущена всем этим, обыск очень долго длился. В это время приходили наши родственники, знакомые, ведь мы жили в "доме на набережной". Всех впускали, но никого не выпускали. Кто-то спросил, уж не помню кто: "А что ищут?". И я со своим смешливым характером не удержалась: "А они у нас тоннель ищут в Кремль!"

— И что же было с обвинением?

— А ничего не было. Я ни в чем не была виновата. Нас порозному оговаривали: сплетничали золотом не подтвердились, шпионаж тоже. Маме разные обвине-

ния предъявлялись, говорили даже, что мама привела в Кремль всех евреев, и в том числе Григория Морозова — первого мужа Светланы Сталиной. А это уж совсем было ни к чему, даже я с ним раньше мамы познакомилась, ведь он вместе с Василием Сталиным учился в школе, красивый такой был.

Братьям моим пришлось трудно: Саше тогда было 16 лет, а Сереже 19. Когда меня арестовали, я работала актрисой в Малом театре, я ведь Щепкинское училище закончила. В театр позвонили и сказали, что я попала в авткатастрофу и нахожусь в больнице. И мальчикам пришлось все время врать, изворачиваться, время трудное было, безденежье. Светлана и Василий не вмешивались, ничего — ни плохого, ни хорошего — не делали. Светлана рассказала, что однажды Сталин спросил у нее: "Как поживают Сережа и Саша?" Она ответила: "Нормально, Сережа учится в университете, Саша в школе, поет в хоре". Сталин же сказал: "И он еще поет?"

Однажды меня вызвали к следователю, там оказались трое офицеров, и один из них мне сказал, что "вы не так виноваты" и что решено меня выслать на пять лет в Ивановскую область. Я так растерялась, что только спросила: "А там яблоки есть?" Они переругались, видимо, поняли мое состояние, и один из них сказал: "Есть, есть!"

— Этим ваше пребывание в тюрьме и завершилось?

— Да, из Лефортова меня вскоре переслали под конвоем в Ивановскую тюрьму. Начальник меня хорошо принял, даже сказал: "Вы, девушка, не беспокойтесь, вы вот поскорее, вас и выслали. Потом помиритесь, ничего". Банку мне устроили, вообще совсем другое отношение ко мне было. Когда пришли деньги, я оформила уход из тюрьмы, получила справку, где было написано, что я, Аллилуева Кира Павловна, освобождена из тюрьмы и направлена для проживания в течение пяти лет в Ивановскую область. С этой справкой я пришла в местное отделение НКВД к дежурному. Он посмотрел на меня, спросил, что я умею делать. Выяснив, что я могу только на сцене играть, он сказал, что направит меня туда, где есть театр, чтобы мне было на что жить, ведь в тех местах тогда голодно было очень.

— И куда же направили?

— В Шую. Там я тоже сразу пришла в отделение НКВД, отдала справку из ивановского отделения с просьбой устроить меня на работу в театр. Сотрудник НКВД — красивый молодой человек с совершенно бесстрастным лицом позвонил в театр, сказал, что мне нужна работа, и добавил: "Местов нет? Ничего, возьмете". Потом дал мне очередную справку для гостиницы. Прихожу в гостиницу, там сидит такая русская баба в платке, летом-то! Я извинилась и дала ей справку. Она прочитала и как бросится мне на шею: "Миленькая вы моя, да ведь у меня муж тоже там!" И так она ко мне хорошо отнеслась, устроила в лучший номер, правда, слишком дорогой для меня, а ведь фамилия Аллилуева ей была незнакома. В театре я проработала три года, была актрисой, заведующей реквизитной частью, заведующей музыкальным отделом — играла на рояле, пела цыганские романсы под гитару. Потом два года работала в школе для умственно отсталых детей, занималась музыкой и самодеятельностью.

— А когда вы вернулись в Москву?

— Первый раз я приехала в январе 1953 года, ссылка кончилась. Но оказалось, что у меня не было права проживания "во всех столицах". Вахтер "дома на набережной", где мы жили, предупредил меня сразу, что к братьям я пройти могу, но после 23 часов не имею права оставаться в доме.

Я поехала к маминой сестре тете Кате, прожила у нее несколько дней и вернулась в Шую. Потом, уже после смерти Сталина, летом, Сережа вызвал меня в Москву. С вокзала на такси мы проехали Лубянку, я отвернулась от здания НКВД, а брат говорит: "Ты что, не знаешь, Берию арестовали и расстреляли!" Когда я пришла в милицию прописываться, мне сказали: "Гражданка, мы вас прописать не можем". Когда же я все объяснила, показала все справки, услышала: "Ну, несите паспорта братьев". А второго апреля 1954 года мне позвонили с Лубянки: "Здравствуйте, мы вам сейчас пришлем машину, вы можете забирать маму и тетю". И опять я в шоке спрашиваю: "А это не первоапрельская шутка?"

Я приехала за ними в полдень, около трех часов мне показали маму, изменившуюся, с лиловым румянцем. Мы поцеловались, мама немного отстранилась, оглядела меня и спросила: "А более безвкусно ты не могла одеться?" Когда спустились по лестнице, я сказала маме: "А Берию-то посадили?". И мама, не зная этого, громко закричала, на всю лестницу: "Нюрочка, ты слышишь, Берию-то посадили!"

— Где же вы в Москве стали работать?

— Меня на работу четыре года не брали; сначала я ждала реабилитацию, без этого директор Малого театра Царев вообще не имел права меня принять. Потом же, когда я пришла к нему, он сказал: "Вы в Шуе работали, у вас другой почерк". И не взял, хотя по закону меня должны были восстановить на прежнем месте работы. Но в 1957 году я поступила на телевидение, там и работала до 1980-го, пока не вышла на пенсию: была помощником режиссера и режиссером музыкальной редакции.

— Часто ли вам приходилось за последние годы рассказывать о себе?

— Ну как вам сказать, приходилось. Приходили журналисты, в основном иностранные, писатели — Радзинский, Анатолий Рыбаков. Ездил в Ленинград для участия в "Пятом колесе", даже немного снималась в фильме о Сталине — "Монстр", совместного производства США и СССР. Один вот раз упомянул, в полном смысле все, на страницах вашего "Вечернего клуба". Два года назад приезжала из Лондона одна журналистка русского происхождения Джин Вронская. Она приходила ко мне, много фотографировала, расспрашивала все с подковыркой, на личные темы. Попросила у меня некоторые фотографии, забрала их и неожиданно для меня уехала в Лондон. Спустя некоторое время звонит мой брат Сергей: "Что ты там наговорила в "Клубе"?". Оказалось, газета опубликовала статью Вронской, где она рассказала, что якобы вместе со мной она искала улики того, что Сталин убил свою жену. Такое бесцеремонное использование моего имени! Да и просто вранье! Я была так возмущена, прямо кипела. Газету я не вижу, журналисты не обязаны проверять все детали. Но сама-то она какая! Ну да Бог с ней!"

— Участвуют ли Аллилуевы в современной политической жизни?

— Как и все сейчас, о политике, конечно, много говорят, но братья мои заняты работой, молодежь — своей жизнью. Какое уж тут участие! Многие родственники, оставаясь "сталинским племенем", считают, что Сталин все правильно делал, так и надо было. Сама же я очень рада, что могу рассказать о действительно имевших место событиях, а не повторять легенды и сплетни, которых много печатают в последнее время.

Расспрашивала Нина ДРОЗДОВА. На снимке: Кира Аллилуева (Политковская). 30-е годы.

Из книги Владимира Аллилуева "Хроника одной семьи"

